

Дарина Стрельченко

Журналист, писатель, копирайтер. Родилась в 1995 году. Окончила Глазовский физико-математический лицей и Московский инженерно-физический институт. Автор более сотни рассказов и трех книг в жанрах фэнтези, антиутопии и мягкой научной фантастики. Победитель премии «Новая Фантастика» (2022), нескольких опен-коллов от издательств «МИФ» и «Питер» (2022). Финалистка премии «Новая детская книга» (Росмэн) (2018, 2020).

Чай, кофе, вино

— Руку круглее, Алекс. Как будто держишь яблоко. Вот так.

Учиться надо долго и вдумчиво — она всегда говорила это детям. Только с годами, только через слезы и отвращение, через стертые пальцы и часы за инструментом появляются мысль и любовь — если только ученик не гений. Сашка был не гений. Но он был фантастически упертый, амбициозный звездолов, и Клара Игоревна часто вздыхала в учительской:

— Был бы помладше, взяла б на «Чайковского».

— Так сейчас бери, — не без зависти советовали коллеги.

— Мало времени, — морщилась Клара. — Не успеть подготовить.

К зиме об этих разговорах прознал и сам Саша.

— Клара Игоревна, давайте поедем на «Чайковского» в будущем году. Я смогу!

— Туда годами тренируются, Алекс. А ты с инструментом знаком без году неделя!

Саша мрачнел, умолкал, приставал снова, но Клара была достаточно мудра, чтобы не поддаваться рыжекудрому обаянию. А в остальном все шло отлично: они одолели элегию Металлиды и «Ариэтту» Скултэ, Саша освоил вибрато, и звук стал удивительно живым. Однако к концу второго года быстрый темп дал осечку: стала болеть шея, стерлись пальцы, в

сборнике попался неподдающийся «Танец» Бабаджаняна, и Сашка пошел вразнос: начал прогуливать и перестал заниматься дома.

Как-то вечером Клара позвонила его мать — сказала, что придется выкупить школьный инструмент: Александр исчеркал деку маркером. Клара даже растерялась, но Сашина мать была растеряна еще сильнее: к концу разговора почти плакала, умоляя повлиять, что-то сделать...

Клара попыталась: провела долгую беседу, после которой Саша не появлялся в музыкальной всю четвертую четверть. Явился только на последний урок — угрюмый, с гигантским букетом. Следом шла мать.

— Клара Игоревна, мы решили, что больше не будем заниматься скрипкой. Но мы вам очень благодарны, Саша говорит, вы чудесный учитель...

Сашка не глядя опустил на стол красные маргаритки в фольге. Потом все-таки поднял глаза.

— Оставьте нас на минуту, — попросила Клара.

Дождалась, пока мать выйдет, и сказала:

— Слушай, Сашка. В ноябре «Чайковский». Будем участвовать.

И он кивнул и даже не сказал ни слова — как будто так и надо.

...У них не было ни идиллии, ни тихих вечеров за инструментом. Были крики, ссоры, такие, что прибежала директор. Саша швырял ноты, Клара хлопала дверью, выставляя его вон, но он упорно возвращался на следующий день — с наломанной сиренью, с дешевыми шоколадками.

— Давайте дальше, Кларигоревна.

И они продолжали, и покорился наконец упрямый Бабаджанян, и летнее время до ее отпуска пролетело незаметно. А через три недели они встретились снова — выросший, загорелый Сашка и Клара, совершенно опустошенная поездкой в родной город.

— Клара Игоревна... Что-то случилось?

Она подперла щеку. Долго молчала, перебирая ноты и записи. Наконец ответила с угрюмой усмешкой:

— Собираешь, выигрываешь. Копишь... А когда вроде бы все есть, даже понять не успеваешь, как начинаешь терять.

Сашка поставил чайник. Вымыл ее вечно грязные кружки.

— Пейте.

— А ты?..

— А я поиграю.

С того дня ссоры сошли на нет, да и ссориться стало некогда: до конкурса оставалось три месяца. В первом туре Саша играл двадцать четвертый каприс Паганини и вальс-скерцо Чайковского; за бесконечными повторениями ей даже перестал сниться бывший жених. Снился теперь Саша — всегда со скрипкой, с идеальной постановкой рук, ног и спины.

...После того как они отправили запись на заочный тур, Клара позвала его в гости. Ужасалась, глядя, как он швыркает чаем, шлепала по рукам, учила пользоваться десертной ложкой. Санька смеялся, они пили каркаде из белых чашек, а из колонок неслась запись — вальс Ребикова и прокофьевская «Джюльетта-девочка», которые они выбрали для следующего концерта.

...После второго тура Клара поймала Сашу за кулисами, усадила на пуф. Сжимая холодные, вспотевшие пальцы, торопливо говорила:

— Спина прямая, плечи расправлены... Я смотрела на тебя, Алекс, и думала: ты ли это? Совсем кавалер... Совсем скрипач.

...После третьего тура она отпаивала его чаем в гостинице, где финалистам выделили целый этаж. Сашку била дрожь, он все спрашивал:

— Вторая? Ведь вторая же, Клара Игоревна?

— Вторая, Алекс... Пей... Еще простыть не хватало, — едва сдерживаясь, говорила она, а счастье кололо внутри, искрилось, делая голос сиплым, дрожащим.

— Вторая же, да?

— Вторая. Вторая премия, Алекс! Пей...

Хоть Клара и говорила, что ее ученики пойдут в консерваторию только через ее труп, Сашка пошел.

Они разругались страшно. Он уехал, так и не получив ее благословения. Не звонил, не давал о себе знать. Но год спустя все-таки постучал в знакомую дверь. Клара открыла, уверенная, что увидит коллегу, но...

— Ольга Ивановна, что тако... Алекс?.. Вот это да... Заходи...

Она быстро свернула урок с Аней, с любопытством глазевшей из-под челки, записала домашнее задание. Напутствуя «Мизинец! Мизинец на грифе!», отпустила восвояси.

— Какая вы красивая! — вместо приветствия произнес Сашка.

Клара, хмыкнув, одернула темное с искрой платье.

— Сегодня играем в администрации ансамблем... Сколько лет, сколько зим, Алекс! Не звонил, не писал...

— Сначала боялся, — засмеялся он. — Потом как-то все завертелось, стало не до того. А сейчас закрыл сессию — и сразу к вам. Вы сердитесь еще?

— Алекс, Алекс, — вздохнула она, сжимая его веснушчатую руку. — Как ты там? Рассказывай!

Он провел пальцем по лакировке скрипки, сел на привычное место у стола — неожиданно долговязый, не знающий, куда деть длинные ноги. Огляделся:

— Я смотрю, все как прежде?

— Время у нас не торопится. — Клара притворила дверь, села за учительский стол, украдкой глянув в зеркальную дверцу шкафа. — Тебе ли не помнить, музыке надо учиться...

— Долго и вдумчиво, — со смешком подхватил он. Наткнулся взглядом на свою грамоту за «Чайковского». — До сих пор храните?

— А как же. Такие грамоты у педагога случаются раз в карьере.

Он покраснел.

— Я знаю, что делать, чтобы случилось дважды.

— Ну-ка, ну-ка?

— Давайте дуэт. Я серьезно, Клара Игоревна. Давайте. У них уже три года есть эта номинация. — У Сашки даже глаза загорелись, совсем как раньше. — Я всегда хотел играть с вами. По-настоящему играть...

— Алекс, — ласково протянула она. — Глупости. Я тебе уже в подметки не гожусь.

Он не стал настаивать, да и было это, наверно, скорее шуткой... Клара спросила:

— Чаю?

— А можно кофе? — мрачновато попросил он.

— Не ты ли говорил, что ненавидишь кофе и никогда пить не будешь?

— Это я до первой сессии говорил, — разулыбался Саша.

Нос сморщился, на кончик скатились крупные рыжие веснушки, как будто бросили подсолнечной шелухи.

— Кофе так кофе, — кивнула Клара.

Согрела чайник, вынула из шкафа чашки и банку кофе. Саша положил на стол темную шоколадку. Клара отломил кусочек и окунула в кофе. Наставительно сказала:

— Вот это и есть горячий шоколад. Горький шоколад в крепком кофе. Остальное — ерунда.

Неожиданно предложила:

— Хочешь, погадаем?

И отточенным жестом перевернула сначала его, а потом свою чашку.

— Что тут у нас... Ссора с начальством?.. Ну, это педсовет по двоечникам. Слезы и молодость — видимо, от ценника у косметолога...

Сашка фыркнул.

— А у тебя что? Так... Большие горизонты... Сложные хлопоты...

— Сбор бумажек на творческую стипендию.

— Казенный дом...

— Общага, ясно-понятно.

— Большая любовь.

Сашка снова покраснел. Независимо пожал плечами:

— Хорошо бы.

- Что, есть варианты? — усмехнулась Клара.
- Да, — пробубнил он в чашку.
- Как зовут хоть?
- Наташа...
- Хорошее имя.
- Ага...

Стоял дождливый холодный май, когда она встретила их около музыкальной — шагали впереди, смеясь, держась за руки.

— А вон то, боковое на третьем этаже видишь? — услышала она. — Это кабинет Клары Игоревны. Это она меня...

— ...заставила скрипкой заниматься, — подхватила Наташа.

— Да... В десятом я хотел бросить, но она заставила. Своими методами...

— Санечка, ты тыщу раз рассказывал.

Клара, ощутив досаду и гордость, ускорила шаг, но парочка свернула на боковую улицу, куда ей было совсем не по пути — уроки, уроки... А на следующий день Саша притащил эту Наташу к ней — Клара вошла в кабинет и с порога угодила в крепкие Сашкины объятия. А когда рыжая шевелюра сместилась, под слова «Ната, это и есть Клара Игоревна. Давным-давно хотел вас познакомить!» — увидела наконец и саму Наташу. Она и правда была хороша: черные локоны, зеленые глазищи, худенькая, стройная...

— Здравствуйте, здравствуйте... Алекс, неожиданно, конечно...

Наташа осторожно улыбнулась:

— Здравствуйте, Клара Игоревна. Саша о вас говорит то и дело. Спасибо, что наставили его на путь, а то мы с ним и не встретились бы...

— Я даже не думал, что буду по вам так скучать, — совершенно обезоруживающе заявил Сашка. — А Ната на композиторском, мы на концерте познакомились... Нат, сыграй свою «Весеннюю элегию», а? Пожалуйста!

Клара, в собственном кабинете ставшая зрителем, молча протянула Наташе скрипку.

— Нет, нет, — с жалостью покачала головой та. — Я на фортепиано. Можно?..

Наташа подняла крышку, села. Расправила юбку, на секунду застыла, занеся руки над клавишами. А потом из-под ее пальцев проклюнулась музыка — потянулась тонким стеблем, разрослась в слабый весенний аромат, наполнила кабинет, выплеснулась в открытую фрамугу, поплыла по городу... Клара забылась, глядя на Сашу, который рассеянно, мягко постукивал по столу на сильную долю.

Когда Наташа закончила, Клара несколько секунд сидела в растерянности. Потом встряхнулась, отгоняя наваждение. Севшим голосом спросила:

— Молодежь, кофе?..

Шевеля губами, щелкая пальцами, Саша стоял у окна в ее крохотной кухне. Клара, надев очки, читала программу сольного концерта.

— Решил все-таки играть Чакону? Смело...

Он обернулся, нахмурился, словно потеряв нить. Махнул рукой. Выдохнул сквозь зубы совсем не к месту:

— Мы расстались.

— Да я уж догадалась. — Клара подошла к окну, дернула ручку; перед грозой стояла духота, хотелось впустить в квартиру хоть немного свежести. — Давно?

— Неделю назад. — Саша отбросил со лба отросшую челку, с отчаянием спросил: — Что я делал не так? Клара Игоревна?

— Мать как-то сказала мне прекрасную фразу: не обсуждай чужих детей и чужие отношения. Так что, Алекс, прости, совета не дам.

Он обхватил себя руками, уставился в пасмурное небо. Ветер раскачивал тонкие, облетевшие веточки берез.

На него было жалко смотреть: блестящий выпускник, перспективный скрипач, в жюри Янкелевича, «Левиафана»... В конце концов, молодой, красивый. Но... Девушка бросила, и все: в глазах — тоска, глухая, как самая холодная речка...

— Алекс, — мягко попросила Клара, кладя руку ему на плечо. — Не надо. Не надо так убиваться.

— Но если нет... Если ничего больше нет, — прошептал он. — И никогда не будет?

— Нет утешения в ином — ищи его в музыке.

Саша полез в карман, вытащил телефон. Потыкал. Кухню заполнила прохладная, весенняя мелодия.

— Я слушаю каждый день. Постоянно. Но это — не утешение.

— Какое ж это утешение, — покачала головой Клара, узнав «Элегию». — Это только растравливание...

Она отошла от окна, подтащила к шкафу табурет. Взобравшись, принялась доставать чашки и коробки с верхней полки.

— Клара Игоревна! Осторожней! Осторожнее!

Саша подбежал, бестолково махая руками. Замер, обхватил ладонями воздух вокруг нее.

— Зачем вы туда полезли?..

— Сейчас, — бормотала Клара, перебирая пачки макарон. — Сейчас...

Наконец ногти звякнули о стекло, она рывком выхватила бутылку, покачнувшись, но все-таки устояла на табуретке.

— Оп-ля!

— Клара Игоревна!

— Вина, Алекс? Это, конечно, тоже не утешение, но все же...

Сашка залился краской.

— Вы же... учительница.

— Что, до сих пор веришь в непогрешимость учителей? — рассмеялась она.

Сашка мялся, а она так и стояла на табуретке, глядя сверху вниз. Оказывается, на макушке волосы у него были не рыжие, а темные, почти каштановые.

Она потопталась, примеряясь, как бы ловчее слезть. Опустила бутылку на разделочный стол и хотела присесть, чтобы потом соскочить на пол, но Саша опередил — протянул руку.

— Аккуратней, Клара Игоревна.

Она оперлась на его крепкую, с рельефными венами руку и спрыгнула на пол. Сумрак прорезала молния — неестественно белой полосой на мгновение легла Саше на лицо.

— Правда, бокалами не обзавелась, — сказала Клара. — Из кружек. Ничего?

— Ничего, — буркнул он.

Она достала старые белые чашки, штопор. В кухне все еще играла «Элегия».

— Откроешь?

Сашка неумело взял бутылку, вогнал в пробку штопор.

— Отойдите лучше...

Пробка выскочила. «Элегия» подошла к кульминации.

— Сейчас осень, — негромко произнесла Клара. — Это весенняя. Выключи. Не к месту.

Выключил. В кухне стало неестественно тихо — все замерло перед грозой. И наконец, далеко-далеко за домами, где-то за городом раскатился гром. А потом пошел дождь — без прелюдии, мощными тугими струями, и сразу запахло палыми листьями, асфальтом, скорой глубокой осенью.

Клара разлила вино, протянула Саше.

— Тост за тобой.

— За музыку? — неуверенно спросил он.

— За музыкантов. За скрипачей, — ответила она, поднимая чашку. — За то, чтобы играть самозабвенно...

— Играть самолетиком, — подхватил Саша. — Чтоб мизинец дотягивался до нот...

— Чтобы смычок был, как дыхание, — кивнула Клара.

— За то, — поднеся чашку к губам, произнес Саша, — чтобы менять динамику прямо на ноте. За то, чтобы вибрато сглаживало звук. За терпение... За длинные ноты. За паузы. За учебу музыке. За учителей музыки, Клара Игоревна. За вас.

Он сделал глоток, закашлялся, и она принялась хлопать его по спине. Саша перехватил ее руку, стараясь выровнять дыхание:

— Все в порядке... Не надо... Клара... Игоревна...

Потянулся к ней.

Она сжала ладонь, сжала губы.

— Алекс. Не надо резких движений. Не делай того, о чем пожале...

— Вы говорили так о консерватории. Я не жалею.

Поднес к губам ее руку, осторожно разжал холодные пальцы.

— Руку круглее, Алекс... — механически прошептала Клара. — Как будто яблоко держишь...

— Как будто — птицу, — поправил он и поцеловал костяшку на указательном пальце. Негромко, как-то безнадежно сказал — то ли спросил, то ли поставил в известность: — Я зайду завтра?..

— Слушай, Сашка, — пытаюсь отдышаться, непослушными губами произнесла Клара. — В ноябре «Чайковский». Бэббит, «Прибытие и отъезд», соло для двух скрипок. Будем участвовать.

И он кивнул и даже не сказал ни слова — как будто так и надо.